

*Кара
Мин*

ОТЧИМ

*По ту сторону
приличий*

18+

Кара Мин

Отчим. По ту сторону приличий

«Автор»

2026

Мин К.

Отчим. По ту сторону приличий / К. Мин — «Автор», 2026

После долгого перерыва Алексей приезжает в город по делам. Встреча с Екатериной пробуждает в обоих давно забытые чувства. Их встреча наполнена чувственными играми: взглядами, прикосновениями, властью и подчинением. Они исследуют границы дозволенного, превращая страсть в жесткую игру власти и подчинения.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Карта Мин

Отчим. По ту сторону приличий

Глава 1

Алексей вышел из чёрного седана, медленно распрямляясь после долгой дороги. Осенний воздух пах влажной листвой и чем-то горьким, как старые воспоминания. Город встретил его прохладой и тихим шумом далёких улиц. Здесь он не был уже больше восьми лет — с того самого дня, когда закрыл свои дела и уехал, решив, что так будет проще всем.

Но у жизни всегда есть способ вернуть тебя туда, откуда ты пытался уйти.

Он поднял воротник пальто и направился к старому особняку на окраине, где когда-то проводил вечера с семьёй. Теперь там жила только она. Екатерина. Девушка, превратившаяся в женщину.

Он не знал, какая она теперь. Знал только, что с тех пор, как её мать ушла, Катя стала самостоятельной, сильной. И неудивительно, ведь ей уже двадцать восемь.

Когда дверь открылась, он не сразу узнал её.

Катя стояла в проёме — босиком, в тонком домашнем свитере, волосы собраны небрежно, несколько прядей падали на лицо. Глаза — чуть темнее, чем он запомнил. Взгляд — длинный, изучающий.

— Алексей... — тихо произнесла она, и в этом имени было и удивление, и что-то ещё, от чего внутри у него неприятно и сладко сжалось.

— Здравствуй, Катя, — он улыбнулся уголком губ. — Ты изменилась.

— Прошло восемь лет, — она отступила в сторону, пропуская его внутрь. — Думаю, это нормально.

Он вошёл, чувствуя, как запах её парфюма вплетается в воздух дома. Всё здесь было одновременно знакомым и новым.

Катя закрыла дверь и задержалась рядом. Между ними было меньше метра, но он ощущал её тепло, и это было опасно.

— Ты надолго? — спросила она, глядя прямо в глаза.

— Пока не закончу дела, — он выдержал её взгляд, чуть дольше, чем следовало. — А потом посмотрим.

На секунду повисла тишина. Но это была не просто пауза в разговоре — это была тонкая, вязкая тишина, в которой зарождалось что-то другое.

Он вспомнил, как когда-то учил её драться, как защищал от обидчиков. И теперь — перед ним стояла женщина, в которой угадывались и прежняя девушка, и нечто новое, манящее и запретное.

Катя чуть наклонила голову, будто изучая его черты.

— Ты стал... другим, — тихо сказала она.

Он усмехнулся.

— И ты тоже.

Их взгляды сцепились, и в этот момент он понял: между ними уже началась игра. И остановить её будет невозможно.

Катя всё ещё стояла возле двери, слегка опершись плечом о косяк. Она не отводила взгляда — прямого, цепкого, чуть вызывающего.

— Ты даже не позвонил, — сказала она тихо, но в её голосе чувствовалось не столько укор, сколько любопытство, смешанное с намёком на обиду. — Восемь лет... и просто появляешься.

— Хотел увидеть твою реакцию, — Алексей медленно снял перчатки, не торопясь. — Она того стоила.

— И какая же она? — её бровь чуть приподнялась.

Он сделал шаг ближе. Теперь между ними оставалось всего полметра.

— Ты стала женщиной. И это... неожиданно.

Катя чуть прикусила губу, но не отвела глаз.

— А ты стал серьезнее. Строже. Наверное, ещё более опасным.

— Опасным? — он усмехнулся, но в его взгляде мелькнуло что-то хищное. — Для кого?

Она не ответила сразу, медленно опуская взгляд на его пальто, затем снова поднимая его к лицу.

— Для тех, кто слишком близко подходит.

Тишина между ними сгущалась. Где-то в другой комнате тихо тикали часы, но здесь, в прихожей, всё внимание было сосредоточено только на их взглядах.

— Ты выросла, Катя, — тихо сказал он, чуть наклоняясь к ней. — И, кажется, научилась играть.

— Может быть, — её голос был почти шёпотом. — Но правила игры придумываю я.

— Не уверен... — Алексей задержал взгляд на её лице чуть дольше, чем позволяли приличия. — Ты забыла, кто тебя учил?

Её губы дрогнули, будто она хотела улыбнуться, но сдержалась.

— Я помню. Но, может быть, ученик когда-то должен превзойти учителя?

Он хмыкнул, медленно снимая пальто. Его движения были размеренными, почти демонстративными, как у человека, привыкшего управлять вниманием.

— Посмотрим.

Он повесил пальто на крючок, и теперь они стояли совсем близко. Лёгкий запах её духов, тёплый, с ноткой ванили и чего-то более острого, смешивался с холодом улицы, всё ещё оставшимся на его одежде.

— Ты будешь кофе? — спросила она, чуть отступив, но её плечо всё же скользнуло вдоль его руки, как случайно... хотя случайности здесь не было.

— С удовольствием, — ответил он, глядя ей вслед, когда она направилась на кухню.

Он смотрел на её гибкую фигуру, на то, как она двигалась — чуть медленнее, чем того требовала простая походка, будто осознавая его взгляд.

В этот момент Алексей понял, что игра началась ещё до того, как он вошёл в дом.

Глава 2

Кухня встретила их мягким жёлтым светом лампы под потолком. За окном лениво падал мокрый снег, придавая всему происходящему ощущение замкнутого мира, в котором есть только они двое.

Катя поставила на плиту турку, достала две чашки, поставила их рядом.

— Ты всё так же пьёшь чёрный, без сахара? — бросила она через плечо.

— Ты всё помнишь, — он сел за стол, откинувшись на спинку стула. — Хотя я думал, ты могла забыть такие мелочи.

— Я помню всё, — тихо сказала она, наливая воду. — Даже то, что ты предпочитаешь кофе чуть недоваренный, чтобы горечь была мягче.

Он усмехнулся.

— Я учил тебя не только стрелять и читать людей, но и готовить кофе?

Она обернулась, опершись ладонями о столешницу.

— Ты учил меня всему, что считал важным. Даже тому, как заходить в комнату так, чтобы никто не успел понять, кто ты на самом деле.

— И ты тогда всё время спорила, — он чуть наклонился вперёд, глядя на неё. — Говорила, что твой способ лучше.

— Иногда был, — её губы тронула едва уловимая улыбка. — Но я всегда делала, как ты говорил. Даже когда злилась.

Турка зашипела на плите. Катя быстро сняла её, разлила кофе по чашкам и поставила одну перед ним.

— Помнишь тот вечер на крыше? — спросила она, садясь напротив. — Когда мы сидели и смотрели на город... и ты сказал, что однажды я пойму, что значит быть по-настоящему одной.

Он на секунду замолчал, глядя в чашку, будто в чёрной поверхности напитка мог увидеть тот вечер.

— Я тогда думал, что защищаю тебя, — тихо произнёс он. — Но, наверное, просто готовил к тому, что будет дальше.

— Ты был прав, — Катя взяла чашку в руки, грея пальцы. — Я поняла.

Он поднял взгляд. В её глазах было что-то новое — не просто воспоминание, а глубина, в которой смешались благодарность, боль и... лёгкая тень обиды.

— И всё-таки, — продолжила она, — ты ушёл, не попрощавшись.

— Если бы я попрощался, я бы не ушёл.

Между ними повисла тишина, наполненная не звуками, а незадаанными вопросами. За окном снег ложился всё гуще, а в кухне запах свежего кофе смешивался с чем-то едва уловимым — запахом общего прошлого, которое всё ещё тянуло их друг к другу.

— Алексей... — она чуть наклонилась вперёд, — если бы ты тогда остался, всё было бы иначе?

— Всё было бы сложнее, — он улыбнулся уголком губ. — Но, возможно, лучше.

Она долго смотрела на него, будто пытаясь решить, верить ли этому ответу.

Тишина в кухне уже не была пустой — она звенела, как натянутая струна. Капли кофе медленно стекали по стенкам чашек, но никто из них не спешил сделать глоток.

Катя слегка повернула чашку в руках, глядя на его пальцы — те самые, что когда-то мягко, но твёрдо поправляли её хват оружия, прижимали её локоть, чтобы выровнять стойку.

— Знаешь... — она тихо заговорила, не поднимая глаз. — Иногда я думаю, что мне нравилось, как ты на меня кричал.

Алексей удивлённо вскинул брови.

— Это было не для удовольствия. Я просто хотел, чтобы ты выжила.

— А я... — она подняла взгляд, и в её глазах появилось что-то мягкое, но опасное, — я хотела, чтобы ты видел меня. Не ученицу. Не подопечную. Меня.

Он замер. Лёгкая усмешка на его лице исчезла, уступив место сосредоточенности.

— Я видел, Катя. Видел с твоих девятнадцати. И, может быть, именно поэтому ушёл.

Катя откинулась на спинку стула, но ноги её остались чуть вытянутыми вперёд, почти касаясь носками его ботинок. Её пальцы медленно провели по ободку чашки, и он не мог не заметить этого движения.

— Ты ведь знал, — сказала она, — что однажды я догоню тебя.

Он сделал глоток кофе, но вкус казался ему слабее, чем вкус её слов.

— Я знал, что однажды ты меня найдёшь. Вопрос был — зачем.

Она слегка наклонилась вперёд, и прядь её волос упала на щёку.

— А если бы я сказала, что... соскучилась?

— Тогда я спросил бы... по кому именно? — он удерживал её взгляд, не моргая.

Катя медленно, почти незаметно улыбнулась.

— По тебе. Не по наставнику. Не по легенде. По тебе, Алексей.

Он почувствовал, как в груди нарастает то же странное, тёплое напряжение, что когда-то, в ту ночь на крыше. Тогда он оттолкнул его. Сейчас — не был уверен, что сможет.

Она протянула руку, будто хотела взять его чашку, но пальцы скользнули чуть дальше — коснулись его руки. Лёгко, но достаточно, чтобы по коже пробежал электрический ток воспоминаний.

— Ты ведь помнишь, как мы тренировались до темноты? — её голос стал тише. — И как я всегда пыталась задержаться на минуту дольше, просто чтобы быть рядом.

— Я помню, — его голос тоже стал низким, почти глухим.

Катя не убрала руку.

— А если я теперь не отпущу?

Он чуть улыбнулся, но в его взгляде уже не было защиты.

— Тогда... мы оба перестанем притворяться.

Снег за окном падал всё гуще, а в кухне воздух стал плотнее, насыщеннее. Казалось, даже лампа под потолком светит теплее. Между ними оставалось меньше ладони расстояния — и оно таяло, как лёд в горячей воде.

Катя чуть сильнее сжала его ладонь — не грубо, а так, будто просто хотела убедиться, что он действительно здесь, не исчезнет, как раньше.

— Ты стал другим, — сказала она тихо. — Жёстче.

— А ты... — он посмотрел на неё долгим, изучающим взглядом, — стала опаснее.

Она едва заметно улыбнулась, склонив голову набок.

— Думаешь, мне это идёт?

— Опасность тебе всегда шла, — он слегка провёл большим пальцем по её костяшкам, будто случайно. — Но теперь она у тебя в глазах.

Катя опустила взгляд на их руки, но не забрала свою.

— Ты знаешь, что я могу отпустить тебя, — тихо сказала она. — Но не хочу.

Алексей чуть подался вперёд, и теперь их лица разделяло не больше полуметра. Он почувствовал, как от её кожи исходит лёгкий аромат — не парфюм, а что-то родное, тёплое, почти забытое.

— Не отпускай, — сказал он тихо. — Я устал от того, что меня отпускают.

Она медленно, будто невзначай, коснулась кончиками пальцев его запястья, проведя вдоль вены. Его дыхание стало чуть глубже.

— Я всё время думаю... — она подняла глаза, в которых плескалось что-то опасное и мягкое одновременно, — ...что было бы, если мы тогда не остановились. Помнишь? На моём дне рождения, перед твоим отъездом. Мне тогда только исполнилось двадцать.

— Мы бы сделали глупость, — он усмехнулся, но взгляд не отвёл.

— Или... правильную вещь, — её голос стал едва слышным.

Между их коленями оставалось всего несколько сантиметров, и она чуть подалась вперёд, так что ткань её юбки коснулась его. Лёгкое прикосновение, почти случайное — но он почувствовал его слишком отчётливо.

— Ты сейчас проверяешь меня? — спросил он, глядя в её глаза.

— Нет, — она медленно качнула головой. — Я просто напоминаю, что я здесь.

Он наклонился чуть ближе, так что теперь он мог видеть, как на её губах дрожит тень улыбки, а в зрачках отражается тёплый свет лампы.

— Напомнила, — сказал он хриловато. — Очень.

Она тихо рассмеялась, но смех быстро перешёл в паузу — ту самую, где слова уже лишние. Её пальцы скользнули чуть выше его кисти, почти до локтя, и застыли там, словно проверяя, насколько он позволит приблизиться.

Он не отстранился.

Глава 3

Его взгляд был неподвижен, но в нём таилась едва заметная дрожь — как у человека, который слишком хорошо понимает, что любое лишнее движение разрушит хрупкое равновесие.

Катя почувствовала тепло его кожи, и это тепло, вопреки январскому холоду за окном, разлилось по её пальцам, по запястью, выше.

— Ты изменилась, — сказал он тихо, почти шёпотом, так, будто боялся, что слова могут оказаться громче, чем нужно.

— Ты тоже, — ответила она, не убирая руки. — Но всё равно... ты остался собой.

Он чуть приподнял уголок губ, но улыбка не дошла до глаз.

— А это хорошо или плохо?

Она замялась, опустив взгляд на чашку с остывшим кофе. На поверхности темнела тонкая плёнка, и она вдруг подумала, что их отношения — как этот кофе: когда-то горячие, теперь — всё ещё крепкие, но уже не обжигают. Или... она просто боится пригубить снова.

— Не знаю, — честно ответила она. — Я... всё ещё пытаюсь понять.

Он откинулся на спинку стула, но взгляд не отрывал от неё.

— Понять что? Что я для тебя? Или чего ты хочешь?

Её сердце болезненно сжалось.

— И то, и другое, Лёша.

Снаружи за окном снег ложился ровными, почти бесшумными слоями, и каждый хлопья казался ей маленьким напоминанием о том, что время всё же идёт. Что прошлое не вернёшь, но оно умеет возвращаться само — в голосах, взглядах, случайны движениях.

— Ты ведь знаешь, — сказал он, чуть наклонившись вперёд, — что я не имею права...

Она подняла глаза, встретила его взгляд.

— Знаю. И всё же ты остался.

Тишина сгустилась, и в ней было что-то опасное. Она чувствовала, как её ладонь всё ещё лежит на его руке, и теперь уже не могла понять — он держит её или это она держит его.

— Если я скажу... — начал он, но осёкся.

— Скажи, — перебила она. — Только не молчи.

Он вздохнул, и в этом вздохе было слишком много воспоминаний, слишком много не сказанных за эти годы слов.

— Ты — единственная, кого я боялся потерять. И именно поэтому держался на расстоянии.

Она закрыла глаза, чтобы скрыть, как сильно дрогнули её губы.
— А я... всё это время боялась, что ты никогда не приблизишься.

Он медленно, почти незаметно, сжал её пальцы. И в этом движении было больше правды, чем в любом признании.

Она почувствовала, как его пальцы на её руке становятся чуть сильнее, словно он проверял, насколько далеко она готова зайти. Но в этот момент между ними уже не осталось расстояния — ни физического, ни того, что годами держало их в пределах дозволенного.

— Катя... — в его голосе было предупреждение, но и вызов.

Она не отводила взгляда.
— Не смей останавливаться.

Он резко потянул её на себя, стул заскрежетал по полу, её колени оказались по обе стороны его бёдер. Его ладони, горячие и жёсткие, легли на её талию, затем скользнули ниже, обхватывая её ягодицы, сжали так, что она тихо выдохнула прямо ему в губы.

— Ты даже не представляешь, — процедил он, — как долго я этого хотел.

Она почувствовала, как под тонкой тканью юбки его пальцы двигаются всё наглее, раздвигая её колени, заставляя податься вперёд. Его дыхание было горячим, сбивчивым, а взгляд — тяжёлым, властным.

Снаружи снег падал всё так же тихо, но внутри их маленького мира всё рушилось и горело.

Он поднялся со стула так резко, что она едва не потеряла равновесие. Его руки, сильные и уверенные, сомкнулись на её запястьях, прижимая их к стене над её головой. Пальцы впивались в кожу, но не причиняли боли — это был не жест насилия, а жест полного контроля.

Он смотрел прямо в её глаза, и в этом взгляде было всё: и жажда, и власть, и угроза.

— Ты моя. Поняла? — его голос был низким, хриплым от сдерживаемого напряжения.

Она кивнула, но он не удовлетворился этим. Его ладонь сорвалась с её запястья и крепко взяла её за подбородок, вынуждая смотреть на него.

— Скажи.

— Я твоя... — выдохнула она, чувствуя, как сердце бьётся в горле.

Он наклонился к самому её уху, его дыхание обжигало кожу. Шёпот был почти рычанием:

— Сегодня я возьму ровно столько, сколько захочу. И ты не остановишь меня.

Он отпустил её руки, но лишь для того, чтобы резко развернуть и прижать к столу. Дерево глухо застонало под их весом. Его тело нависло сзади, полностью блокируя любое движение.

Одна его ладонь плотно зафиксировала её в пояснице, другая скользнула вверх по спине, медленно, властно, словно он читал её кожей каждое своё намерение.

Она чувствовала его силу, плотность, жар, и понимала, что он контролирует каждое её дыхание. В комнате стало душно, воздух был пропитан напряжением и чем-то первобытным.

Он наклонился снова, его губы коснулись её шеи — не мягко, а жёстко, с лёгким укусом, от которого по телу пробежала дрожь.

— Не двигайся, — приказал он, и она замерла, ощущая, как его руки начинают медленно, почти мучительно исследовать её, лишая её права на сопротивление.

Он держал её крепко, как добычу, которая уже никуда не денется. Запах его кожи и лёгкий привкус табака в воздухе смешивались с её тяжёлым, сбивчивым дыханием. Пальцы вцепились в её бёдра, заставив их раздвинуться шире, оголяя и делая беззащитной под его взглядом.

Он провёл ладонью по линии позвоночника вниз, задержавшись в ложбинке спины, а затем — ещё ниже, до плотной округлости, сжимая её так, что она выдохнула сдавленно, не смея пошевелиться.

— Расслабься... или я заставлю, — прорычал он, и в его голосе не было ни капли шутки.

Его пальцы раздвинули её, открывая доступ туда, куда редко кто осмеливался вторгаться. Она почувствовала, как он скользнул туда кончиком пальцев — медленно, но с неоспоримой властностью, проверяя её реакцию. Кожа там была особенно горячей и чувствительной, и от этого прикосновения по всему телу пробежала дрожь.

— Здесь ты принадлежишь только мне, — сказал он, и добавил ещё давление, чуть глубже, чуть сильнее, наблюдая, как её тело невольно поддается.

Он наклонился, прижимаясь к её спине грудью, и она ощутила твёрдое, напряжённое присутствие его члена, упирающееся в неё сзади. Он не торопился — наслаждался тем, как она дышит, как сжимает кулаки, как пытается держать себя в руках.

Плотно обхватив её бёдра, он начал входить, медленно, но без права на отказ. Растягивающее, острое ощущение прошло через неё, и он зарычал от удовольствия, когда оказался глубже. Его движения были выверенными — каждое толчок был не просто физическим, а утверждением власти.

Он держал ритм, резкий и глубокий, прижимая её к столу так, что она не могла сдвинуться ни на миллиметр. Её дыхание стало рваным, в груди стучало сердце, а тело полностью подчинялось этому жёсткому, безжалостному темпу.

В комнате слышался только стук дерева, его тяжёлое дыхание и её тихие, сдавленные звуки. Он знал, что владеет ею полностью — здесь, сейчас, в этом моменте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.